

НЕВЕСТА ВЕТРА

И сказал Буревестник небесным детям так:

– Обучая детей земли тому, что знаете сами, помните о моих словах!

Не отдавайте им огонь, ибо обратится он против вас.

Не позволяйте им оседлать ветер, ибо умчатся они так далеко, что вы не сумеете угнаться следом.

Не учите их видеть сокровище, ибо тогда настанет время Великого Шторма!

А если нарушите все три запрета, то упадет с небес «Утренняя Звезда» — и дорога домой навсегда закроется для вас.

Книга Основателей

Не отказывай страждущему, не жалея сил, не читай чужих мыслей.

Клятва Эльхи

ШУМ МОРЯ

Холодное осеннее небо лишь слегка заалело на востоке, когда Фаби вышла из своей комнаты и быстрым шагом направилась к опочивальне принцессы Ризель. Слуги, попадавшие ей навстречу, почтительно кланялись. Совсем недавно челядь вовсе не старалась угодить девушке, занимавшей при дворе капитана-императора Аматейна положение гостьи поневоле, но теперь все изменилось. Она превратилась из заложницы в спутницу принцессы, ее начали уважать и даже, как ни странно, бояться.

В темных углах что-то негромко шуршало и потрескивало. За год Фаби так и не сумела привыкнуть к странным звукам, которыми Облачная цитадель полнилась по ночам, а одна мысль о том, что во мраке по запутанным лабиринтам коридоров бегают многоногие металлические твари, приводила ее в ужас. К утру мехи всегда расплозились по норам: стоило солнцу подняться над горизонтом, их уже не было ни видно, ни слышно. Обитатели дворца любили долго спать, и многие из них годами не встречались с созданиями, чьи поцарапанные панцири помнили времена, когда на месте Облачной цитадели мерры пасли морских коров. Мехи никого не обижали: в худшем случае древний механизм, пробегая по потолку спальни, мог свалиться на голову спящему. Конечно, приятного в этом было мало, но от них имелась и польза: мыши, крысы и прочие вредители в дворцовых кладовых не водились именно по той причине, что все подходящие для обитания щели и дыры облюбовали мехи.

Фаби знала, что ночные шорохи безопасны, но ничего не могла поделать с собой: первое время, заметив краем глаза шевеление и поблескивание где-нибудь в углу, она отпрыгивала в сторону, словно перепуганная птичка. Птичка-невеличка, растрепанный невзрачный воробушек. Ничего удивительного — она и внешне, и по характеру была настоящим воплощением своего кланового знака.

В клетке с орлами и ястребами воробьи долго не живут. Предшественник Фаби — троюродный брат, которого она совсем не знала, поскольку виделись они лишь однажды, еще детьми, — провел здесь чуть больше года и погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах. Аматейну понадобился новый заложник, и на этот раз им должен был стать кто-то очень близкий и важный для главы семейства. Фаби помнила, с какими лицами родители провожали ее в Облачный город, столицу Империи...

Однако все пошло совсем не так, как они предполагали. В один прекрасный день принцесса Ризель вдруг объявила, что юная провинциалка, не имеющая ни малейшего представления о сложных дворцовых интригах,

ШУМ МОРЯ

отныне будет ее спутницей. Сплетники неделю только об этом и говорили, но никто не осмелился открыто возмущаться — с решениями Ризель не полагалось спорить, как если бы все они до единого были высказаны посредством *сильного слова*, ее родового дара.

Должность спутницы подразумевала больше обязанностей, чем привилегий. Фаби стала для Ризель собеседницей, секретарем, служанкой и шпионкой. Оказалось, воробей подходит на эту роль куда лучше, чем ястреб, орел или ворон. Она была незаметной и — хотя об этом никогда не говорило вслух — незамечимой: она все понимала без слов и умела молчать. Собственно говоря, она почти все время молчала. Поначалу ей пришлось нелегко. Потом она почувствовала, что Ризель из «госпожи» и «ее высочества» превращается в кого-то вроде мудрой старшей сестры, и заточение в Облачной цитадели стало чуть менее тяжким грузом.

Принцесса была хороша собой. У нее имелась целая армия тайных дыхателей, которые посвящали ей стихи и устраивали дуэли, сходя с ума от любви. Ни один из них, конечно, никогда не осмелился бы признаться ей в своих чувствах. Ризель была недосягаема, словно сама Светлая Эльга. Она одевалась только в белое и редко посещала балы; она делала то, что полагалось бы делать принцу, — так уж вышло, что у капитана-императора не осталось сыновей.

Ризель походила на фарфоровую статуэтку, но ее хрупкость была обманчива — в отличие от фарфора, разбить ее смог бы только удар кузнечного молота.

Войдя, Фаби увидела, что Ризель не спит. Принцесса сидела за письменным столом, уронив голову на руки. Густые длинные волосы закрывали ее лицо, словно плотная белая вуаль, — из-за них дочь капитана-императора почтительно называли Белой Цаплей, хотя по углам шептались, что дерзости наследнице престола не занимать, раз она не желает скрывать столь явный признак вырождения. Перед ее высочеством лежала книга с пожелтевшими от времени листами. Фаби уже видела этот древний том и знала, что он собой представляет. Отец рассказывал ей, что когда-то в каждом семействе хранился такой же, но постепенно все они были утрачены. Лишь немногим удалось сберечь отдельные страницы, однако содержание этих страниц оставалось тайной. Язык, на котором три тысячи лет назад была написана Книга Основателей, уже тогда считался мертвым, и теперь мало кто мог похвастать знанием более впечатляющим, чем несколько странно звучащих слов. Выходило, что от Прародины у небесных детей осталась только их сильно разбавленная кровь.

— Я закончила перевод, — устало проговорила Ризель. — Посмотришь?

Девушка подошла ближе, не дожидаясь повторного приглашения. Ей уже случалось знакомиться с переводами Ризель. Та была искренне удивлена, узнав, что дочь лорда Воробья не так уж плохо образованна, быстро читает и вырисовывает пером витиеватые буквы в лучших традициях старинного искусства каллиграфии, и не преминула добавить к многочисленным

обязанностям спутницы еще одну. Фаби не возражала даже в мыслях, понимая, что ей оказывают большую честь. К тому же читать переводы, сделанные принцессой, было очень интересно.

Исчерканные листы стоили дороже, чем полностью снаряженный боевой фрегат. Поскольку знатоков древнего наречия в Империи почти не осталось, какой-нибудь ученый из Ниэмарского университета или знаменитой Лазурной академии, не говоря уже о Невидимом содружестве, с радостью продал бы Великому Шторму правую руку или правый глаз за возможность взглянуть на перевод Книги Основателей, выполненный самой Белой Цаплеи.

— Мы с каждым днем все дальше от Прародины, — неожиданно проговорила Ризель, глядя в пустоту. — Почтенные ученые мужи забыли наш язык, а обитатели Облачной цитадели предпочитают танцевать на балах и плести интриги. Я не могу их винить... Ведь «Утренняя звезда» потеряна, и даже если вдруг кто-то ее найдет, мы не будем знать, что делать дальше. Мы изменились, утратили способности и знания, сделали куда больше похожи на земных детей, чем принято считать. К добру это или к худу? — Она усмехнулась горько и зло. — Как знать... Почитай мне вслух, пожалуйста.

«Шел год седьмой от Великого пришествия, и тогда собрались все небесные дети. Первым говорил Капитан Ворон, и сказал он так:

— Братья и сестры мои! Вижу я, что люди этого мира уже не ходят на четырех конечностях, словно животные, и не пожирают плоть подобных себе. И это хорошо!

Вторым вышел говорить Жаворонок, и сказал он так:

— Братья и сестры мои! Теперь люди этого мира знают, как растить пшеницу и рис, бобы и просо. Большие не едят они траву, что стелется под ногами, и водоросли, что прибывает к берегу...»

Фаби словно раздвоилась. Одна ее половина послушно читала, продираясь сквозь записи — почерк Ризель временами становился удивительно небрежным, — а другая лихорадочно размышляла: что происходит? Неужели ее высочество решила испытать свою спутницу? Ведь любой ребенок — не магус! — знает, что небесным фрегатом, «Утренней звездой», командовал первый капитан-император из клана Цапли.

Ризель нетерпеливо приказала:

— Дальше читай! Там, где про огонь.

Фаби пробежала глазами остаток записей и взяла следующий лист.

«Так говорил каждый из пятнадцати магусов, небесных детей, о благах, что принесли они детям земным, а когда все закончили, снова встал Капитан Ворон и спросил:

— Все ли помнят о том, что говорил Буревестник в день, когда впервые мы ступили на эту землю? Все ли соблюдали его наставления?

— Да! — ответили магусы, но нахмурился Капитан Ворон, потому что знал: один из соплеменников не сдержал слова и дал

ШУМ МОРЯ

людям огонь. Никто не признавался в содеянном, и тогда сказал Капитан:

— Хорошо же! Значит, люди открыли огонь сами, и только они одни виноваты в случившемся. Так услышите, что еще было предсказано: если земные люди узнают тайну огня, нам следует дать им огня великое множество».

Фаби застыла. Час от часу не легче — сперва «Капитан Ворон», а теперь это. Что еще за «огня великое множество»? Она совсем другую сказку слышала в раннем детстве.

— Читай-читай,— подбодрила Ризель свою спутницу.

«Небесные дети сидели спокойно и слушали Капитана Ворона. И тогда он спросил:

— Скажите мне теперь, не нарушал ли кто второй запрет?

— Нет! — сказали небесные дети, и помрачнел Капитан Ворон словно туча: видел он, как летают по небу те, кто совсем недавно ползал по земле, точно черви.

— Хорошо же! — сказал он. — Значит, люди научились летать сами, и поэтому увидят они самые большие крылья из всех, что есть у нас».

— Ты веришь, что магусы когда-то умели летать?

— Я... — Фаби растерялась. Принцесса пылливо вглядывалась в лицо спутницы, ожидая ответа. — Я знаю, что «Утренняя звезда» пролетела сквозь Вечную ночь — ведь как иначе наши предки оказались в этом мире? Но... нет, я думаю, это какая-то метафора. Из разумных существ летать умеют только крыланы, да и те, похоже, исчезли навсегда.

— Метафора... — пробормотала Ризель, качая головой. — Читай дальше. Сейчас будет еще одна... метафора.

«Когда понял Капитан, что третий запрет тоже оказался нарушен, потому что видели и знали дети земные то, чего не должны были видеть и знать, сказал он так:

— Если тот, кто сделал это, не признается сейчас, то одарим мы землю эту последними дарами, а потом улетим домой.

Встал тогда хранитель огня, Пламеннокрылый Феникс, промолвил:

— Я дал людям огонь.

Сказал он:

— Я подарил им крылья.

Были его последние слова такими:

— Я научил людей видеть сокровище.

Тогда Капитан попросил у магусов, детей небесных, семь дней на размышления, но раздумывал он в семь раз дольше, потому что

слишком тяжелое решение должен был принять. Вернувшись к народу своему, сказал он Фениксу так:

– Пусть возьмет огонь тот, кто придет сменить тебя. Сам же ты получишь пламя, и крылья, и море – и покинешь нас навеки.

Промолвила тогда Эльга-Заступница:

– Прости его, Мудрейший! Что сделано, того не воротить. Видишь, „Утренняя Звезда“ сияет на небе, как раньше, – значит, предсказание Буревестника не сбылось. Пусть останется с нами тот, в чьем сердце вечно живет огонь далеких звезд, – ведь без него мы не сумеем пролететь сквозь Вечную ночь!

Но непреклонен был Капитан Ворон. И произнес он слова холоднее льда и тяжелее камня:

– Как можем мы ожидать, что земные дети будут уважать нас и бояться, если слово магуса стало легче птичьего пера? Три запрета были нарушены, и три наказания понесет отступник.

Стоило ему сказать это, как раздался гром и от множества молний закипел бескрайний океан. Когда утихла страшная буря, увидели магусы, что нет больше „Утренней Звезды“.

Так сбылось предсказание Буревестника, после чего ушел Ворон Дорогой печали. Так осиротели небесные дети, лишившись родного дома, который остался по другую сторону Вечной ночи».

Фаби положила исписанный листок обратно на стол и обняла себя за плечи, пытаясь унять сильную дрожь. Или, быть может, это Облачная цитадель вокруг нее зашаталась и задрожала, словно дерево на ветру?

Воробей не может повлиять на ход событий. Воробей вообще ничего не может. Если клан Ворона отыщет магуса, способного перевести то, что перевела Ризель, маленьким птичкам останется лишь наблюдать и надеяться, что грандиозный шторм пройдет стороной. Их целью всегда было выживание, и до сих пор семейству сопутствовал успех – во многом благодаря тому, что воробьи умели довольствоваться малым. Те самые гордые фениксы, клан Фе́йра, – где они? Уничтожены, разбиты, навеки опозорены. Буревестники? Последний из рода Амальфи пал жертвой предательства, которое не сумел предугадать, хотя и обладал даром ясновидения. Даже миролюбивые хронисты и библиотекари Соффио, клан Со́вы, не выстояли в битве с Великим Штормом...

Возможно, всем семействам суждена подобная судьба. А тех, кто выживает, прикончит враг незаметный и безжалостный, затаившийся в их собственной крови, – ведь не зря с давних времен говорили, что нет ничего важнее, чем кровь.

Фаби выпрямилась и встретила взгляд Ризель: принцесса улыбалась краешком рта, да только в улыбке не было ничего веселого. На плечах этой хрупкой женщины лежал чудовищный груз. Белая Цапля служила единственным глашатаем воли капитана-императора, который так давно не

ШУМ МОРЯ

покидал покоев в западном крыле Облачной цитадели, что об этом знали даже жители отдаленных краев Империи. Странная болезнь, поразившая верховного правителя Десяти тысяч островов, не была заразной — по крайней мере, за долгие годы никто не подхватил от него тяжелый недуг. Но если раньше он хоть изредка принимал посетителей, то теперь его навещали только двое доверенных слуг и принцесса. Ризель заходила к отцу каждое утро и выслушивала наставления, которые затем передавала советникам. Однажды — уже после того, как Фаби привезли во дворец, — кто-то из клана Орла захотел встретиться с императором лично. Ризель не стала возражать, и магуса провели к больному. Строптивец пробыл там недолго — выскочил за дверь весь бледный и трясущийся, бормоча что-то о проклятии, которое наслал сам Великий Шторм. Потом Фаби слышала, что он почти сутки провел в ванной и заставил слуг сменить воду не меньше двадцати раз.

Больше о личной аудиенции никто не просил.

«Капитан-император скоро умрет...»

Даже произнеся эту фразу мысленно, Фаби от ужаса зажмурилась. Император Амаейн, которому не исполнилось еще ста лет, был молод по меркам небесных людей. Родители рассказывали Фаби о коронации Амаейна — столь пышной, что всем казалось, будто она всенепременно означает начало нового золотого века. Получилось совсем наоборот: война с Окраиной разгорелась с новой силой, да к тому же Империю ослабляли постоянные столкновения между семействами. Только три клана из пятнадцати: жаворонки, воробьи и совы — сумели остаться в стороне от интриг и борьбы за земли. Остальных же словно поразило внезапное безумие, и они с ожесточением принялись уничтожать друг друга. Сорок лет назад Амаейн положил конец распрям, подписав с самыми могущественными семействами, согласившимися на его условия, Договор Семерых, к которому потом примкнули три самых слабых клана, включая и клан Торимо, семью Фаби. Но фениксы, буревестники и совы, согласно туманным слухам, были истреблены за свою гордость, а земли хитроумных переселенцев и упрямых голубей Семеро разделили между собой, не стесняясь собственного вероломства. Где-то на просторах Империи остатки побежденных кланов лелеяли планы мести, но против объединившихся врагов они были бессильны.

Впрочем, что заставило победителей сплотиться? И так ли крепок их союз? С чего все началось?..

Много лет спустя уже никто не мог с уверенностью сказать, что на самом деле произошло с непокорными Фейра, Амальфи и Соффио и были ли они хоть отчасти виновны в измене, за которую их наказали. Фаби доподлинно знала лишь одно: через некоторое время после гибели семейства Фейра болезнь капитана-императора впервые дала о себе знать. Поначалу его недуг вовсе не казался ужасным. Уже потом, когда стало понятно, что хворь не намерена отпустить Амаейна из цепких когтей, во дворец стали приглашать лучших целителей — сначала тайно, а потом и в открытую. В Облачной цитадели побывал даже мудрый лорд Рейнен, старейшина вороньего семейства

и самый старый магус из всех живущих, но и он не сумел помочь повелителю небесных детей.

Капитан-император стоически перенес то, что болезнь изуродовала его красивое лицо, заставив на людях носить маску, но судьба подготовила для него удар пострашнее: Тибурон, старший сын Аматейна, пропал где-то на севере, и вот уже без малого десять лет о нем не было никаких известий.

А два года назад Аматейн потерял сразу жену и младшего сына, Амари: мальчика растерзали сторожевые пардусы, сбежавшие из клетки, после чего ее величество тоже стала затворницей: она теперь почти все время проводила в Садах иллюзий, в обществе нескольких спутниц. Фаби слышала, что звери оставили от тела бедного ребенка всего-то несколько костей. Ради похорон сына Аматейн вышел из своих покоев, превратившихся в подобие тюрьмы, но потом, когда траурный срок закончился, вновь исчез. По дворцу поползли слухи.

Болезнь зашла слишком далеко.

Было весьма сомнительно, что капитан-император сумеет снова зачать наследника, а ведь три тысячелетия трон передавался только по мужской линии. Единственная дочь Аматейна обладала изумительной красотой и разнообразными талантами: она разбиралась в политике и могла поддержать разговор о тонкостях морского дела с такой же легкостью, как если бы речь шла о тканях или драгоценных камнях, с ней считали за честь побеседовать о вопросах философии виднейшие ученые из разных городов... Но все-таки она была женщиной. А сильнейшие кланы никогда не склонили бы головы перед императрицей, подле которой нет императора.

Пустующее место рядом с дочерью Аматейна вызывало противоречивые чувства: с одной стороны, многих оно привлекало, а с другой — белые волосы Ризель означали, что в клане Цапли началось вырождение. Кровь владык Облачного города отравлена. Все знали, как это происходит. Сначала меняется цвет волос, потом появляются другие странности, а чуть позже настает время бескрылых, лишенных дара, и тех, о чьем существовании не принято говорить вслух.

Но немало людей ради трона готовы были смириться и с этим.

За поведением Ризель следили очень внимательно, пытаясь истолковать каждый ее шаг как проявление симпатии к кому-то из молодых магусов. Пока что ее высочество была со всеми одинаково вежлива и холодна. Но какой бы выбор ни сделала принцесса, кому-то он обязательно не понравился бы, и даже Фаби понимала, что новой войны между кланами не избежать. А если станет известно, что владычество Цапли десятки веков держалось не только на сильных словах и цепкой хватке невидимых рук, но и на зыбком фундаменте из слегка подправленных легенд, никто не будет дожидаться смерти Аматейна.

Взгляд Ризель сделался тяжелым, и Фаби поняла, что время, отведенное ей на размышления, закончилось.

— Говори.

Девушка с трудом взяла себя в руки:

1. СУНДУК ЦЕЛИТЕЛЯ

— Эта история записана в Книге Основателей, и каждая мелочь в ней важна, а то, что я вижу, — совсем не мелочь... Ваше высочество, я даже не знаю, как сказать, но... э-э... вероятно, Империю ждут перемены. Неужели... простой воробей может чем-то... помочь Белой Цапле?

Ризель не успела ответить — в открытое окно ворвался ветер и разметал рукопись по комнате. Фаби следовало бы броситься ее собирать, но почему-то она не смогла даже пошевелиться. Ризель сидела неподвижно, пока ветер не стих. А потом разлетевшиеся листочки сами собой принялись сползаться к ногам принцессы, аккуратно укладываясь в стопку.

— Империя сейчас подобна одуванчику, — сказала ее высочество. Рукопись взлетела с пола и легла ей на колени. — Стоит кому-нибудь дунуть посильнее, и от бывшего величия останутся одни воспоминания.

Принцесса встала, прижимая листы с переводом к груди и пристально глядя в глаза спутнице. Она была выше Фаби всего на полголовы, но девушке показалось, что Ризель смотрит на нее откуда-то с заоблачных высот.

— Мне очень страшно, воробышек. Скоро моя жизнь бесповоротно изменится... Придется совершать поступки, которые вызывают у меня отвращение и ужас. Мне нужен кто-то... Мне нужен человек, который будет помнить меня прежней... — Внезапно ее голос сел, и принцесса не сразу сумела продолжить: — Я хочу, чтобы ты всегда оставалась со мной. Ты не откажешь мне в этой просьбе?

Ответ был очевиден.

— Я рядом, ваше высочество, — сказала Фаби. — И буду рядом. Всегда.

— Вот и славно. — Улыбка осветила бледное лицо Белой Цапли. — А теперь прикажи, чтобы приготовили ванну.

Над морем занималось утро нового дня.
Ветер вот-вот должен был перемениться.

1. СУНДУК ЦЕЛИТЕЛЯ

[«Смотрите, смотрите, что у меня есть!»]

Город изнывает от полуденного зноя, и даже крики чаек кажутся не такими пронзительными, как обычно. Чьи-то смуглые ладони в ссадинах и царапинах сложены ковшиком. В ковшике плещется рыбешка — серебристая, с черными полосками по бокам и агазовыми глазами-бусинами. Капли морской воды оставляют темные пятна на полу кухни.

Скоро обед. Вкусно пахнет жареным.

«Светлая Эльга нас благословила, это награда за все наши испытания! Вы только поглядите, до чего красивая шкура! Она приплыла, она выбрала меня... Вот увидите, теперь все будет хорошо!

Я это точно знаю!»]

Легкий бриз проскользнул в окно, не тронув Эльгин колокольчик, висевший на положенном месте, и шаловливо взъерошил волосы Эсме. Она открыла глаза. Словно сама Заступница погладила ее по голове. От этого ночь, переполненная обрывками воспоминаний и бессвязными тревожными сновидениями, сразу же утратила важность.

Начинался новый день, а ночь... да ну ее к кракену.

Недолго поглядев на потолок, где давно уже были изучены и сосчитаны все трещины, Эсме осторожно приподнялась на локте. В глазах сразу же потемнело, табуретка и сундук пустились в пляс, а стоило зажмуриться, как под веками защипало, словно кто-то щедрой рукой сыпанул туда песка. Ничего удивительного: ей уже больше недели не удавалось как следует выспаться. Она проваливалась в черную бездну, а потом внезапно просыпалась, задыхаясь и дрожа от ужаса, еще более уставшая, чем прежде. Временами казалось, что она слышит знакомый голос — голос человека, который пять дней назад замолчал навсегда. Временами во тьме звучали и другие голоса, но всякий раз услышанное выветривалось из ее головы быстрее, чем она успевала не просто что-то запомнить, а хотя бы осознать.

[Ты заболела. Бессонница — недуг, который время от времени настигает всех целителей. А твой случай совсем тяжелый. Память, бедная изувеченная память не дает тебе уснуть.]

— Ты что-то сказал? — проговорила она вслух, глядя в пустоту, и горько улынулась. — Прости, я не расслышала.

[Кто бы сомневался.]

В происходящем не было ничего удивительного. Однажды она сделала с собой то, чего не следовало делать ни в коем случае: отсекала часть воспоминаний и спрятала в [сундук], чтобы избавиться от боли. [Сундук], незримый и невесомый, каждый целитель носил с собой с момента, когда пробуждался дар, и до самой смерти; в него полагалось складывать чужие мыслеобразы, застрявшие в памяти. Только так целитель мог оставаться самим собой, а кое-кого [сундук] и вовсе спасал от безумия. Но, отказавшись от собственных мыслеобразов, Эсме словно утратила часть тела и вот уже много лет страдала от фантомных болей, которые ничем не отличались от тех, что мучают калек.

И все равно она ни о чем не жалела.

— Долг целителя — с рассветом открывать двери свои...

Слова утренней молитвы, истертые до дыр и давным-давно потерявшие свежесть, немного привели ее в чувство и позволили для начала сесть и опустить на пол босые ноги. Под пятками скрипнуло — вчера она забыла вымести из комнаты вездесущий теиравенский песок.

[Лучше бы уборкой занялась, чем всю ночь вертеться.]

Она поморщилась.

— Целители встают до восхода, а спать ложатся глубокой ночью, ибо в их помощи нуждаются те, чей труд начинается с первыми солнечными лучами и продолжается после наступления темноты...

Она встала, борясь с подступающей тошнотой.

1. СУНДУК ЦЕЛИТЕЛЯ

— Великий дар, благословение Эльги, надлежит использовать на суше и на море, во благо детей неба и детей земли. Так говорит Заступница, я следую ее заветам. Да минуют шторма капитана-императора, да пребудет он... хм... пусть у него все будет хорошо.

Завершению целительской молитвы явно не хватало почтительности. Императора, который, по слухам, заживо гнил в своем дворце далеко на северо-востоке, лечить следовало не молитвами. Если его вообще можно было вылечить.

Туман перед глазами постепенно рассеивался, но в ушах как будто шумел прибор. Нет, так не пойдет. Если она не хочет весь день бродить по узкой грани между бодрствованием и обмороком, надо принять меры. Эсме снова села и, заранее скривившись, вытащила из-под кровати оставленный там с вечера флакон с жидкостью болотно-зеленого цвета. Вкус у настойки вигилярии — Велин, опекун и учитель Эсме, называл ее пробудиловкой — был очень противным, и, чтобы осушить флакон до самого дна, пришлось собрать остатки сил.

— Гадость какая... — пробормотала Эсме, когда отвратительная жидкость хнула в желудок.

Зелье предназначалось для того, чтобы взбодрить уставшего целителя, но злоупотреблять им не рекомендовалось. Однако кто теперь мог ее остановить? Через несколько ударов сердца в голове прояснилось, глаза перестали болеть. Целительница медленно оделась — она носила белую рубаху с подвернутыми до локтя рукавами и широкую серую юбку до щиколоток, — потом умылась, расчесала волосы и повязала голову изумрудно-зеленым шарфом. За окном просыпался город. Над городскими крышами и верхушками мачт вились стаи чаек-крикунов — они, как всегда, снялись с насыженных мест еще до рассвета и отправились на поиски еды.

— Вам бы все жрать да жрать... — пробормотала Эсме.

Одна чайка, словно услышав ее слова, спикировала напрямик на подоконник; в комнате тотчас же завоняло тухлятиной, причем это был вовсе не мыслеобраз запаха, а самый настоящий, осязаемый носом смрад. Эсме в тысячный раз спросила себя, отчего именно это гадкое создание стало символом Гильдии целителей. Ответ, прекрасно ей известный, был прост и сложен одновременно: из всех птиц только крикуны могли читать мысли и передавать мыслеобразы, да к тому же чайка служила клановым знаком семейству, под чьим покровительством целители пребывали вот уже три тысячи лет.

Крикун щелкнул длинным клювом.

— Вон отсюда! — Эсме не испугалась, хотя прекрасно знала, что птица в мгновение ока может вырвать из нее кусок плоти размером с кулак. От нападения крикуна удерживала только трусость. — Улетай!

Чайка наклонила голову, захлопала крыльями. Красные глаза злобно блеснули. Не зря, ох не зря моряки говорили, что встречаться взглядом с крикуном — не к добру... Эсме ощутила волну лютой ненависти, исходящую от птицы: вечно голодная тварь думала о еде, но мыслеобразы выдавали желание поживиться вовсе не рыбой, а мясом. Человеческим мясом.

— Пошла прочь, зараза!

Девушка схватила пустой флакон и швырнула в птицу. Та увернулась с легкостью и атаковала в ответ на свой лад: если раньше Эсме ощущала лишь отголосок кровожадных мыслей крикуна, то теперь... ее накрыло. Зрелище распотрошенных внутренностей само по себе не могло испугать целительницу — ей приходилось видеть куда более страшные вещи, — но чайка добавила к отвратительной картине удовольствие и предвкушение роскошного пира. Девушку чуть не стошнило от отвращения. Она бросилась к птице — и схватила воздух. Выдав напоследок издевательский вопль, чайка присоединилась к своим товаркам — кружить над Теиравенской пристанью до позднего вечера, досаждать морякам криками и воровать рыбу у разинь.

[Положи это в сундук. Или ты хочешь помнить, как вкусна была падаль, как ты выклевывала глаза у трупа? Нельзя хранить в своей голове такое, немедленно выбрось эту гадость. Положи в сундук, быстрее.]

Поморщившись от внезапной боли в затылке, Эсме осторожно выглянула наружу и убедилась, что ее снаряд никого не задел, а просто упал на мостовую и разбился. Она закрыла глаза и увидела не темноту, а сине-зеленую толщу воды и рыбку — юркого малька, серебристого, с черными полосками по бокам. Мыслеобраз вызвал непонятную тревогу. Чье это воспоминание? Неужели ее собственное?

[Положи и это в сундук. Ну же, давай!]

— Пора открыть двери, — сказала целительница вслух и нахмурилась. — Правила есть правила.

Маленький дом, в котором совсем недавно жили двое, промолчал в ответ.

Их с Велином жилище располагалось гораздо ближе к порту, чем лавки остальных теиравенских целителей и лекарей. В другом городе и при других обстоятельствах это весьма помогло бы в борьбе за клиентов — ведь у больного или раненого моряка нет времени и сил, чтобы долго бродить по незнакомым улицам в поисках того, кто окажет ему помощь. Но Велин был в Теиравене чужаком и чужаком остался до самого конца. Слишком молчаливый даже для целителя, слишком ироничный, слишком умный по меркам маленького провинциального городка. Десяти лет не хватило, чтобы к нему привыкли, и сам Теиравен будто сопротивлялся его присутствию.

Эсме спустилась на первый этаж, открыла двери настежь и взялась за метлу. Велину не нравилось, что она все время нарушает порядок: уборку полагалось делать вечером, а утренние часы — посвящать чтению и медитации. Однако он ей не мешал. Они понимали друг друга без слов и, живя в одном доме, пребывали каждый в собственном мире, не пересекая чужих границ. В общем-то, так было заведено у всех целителей: молчание и состояние имеют особую ценность для того, кто способен с трех шагов прочитывать любого человека или мага словно открытую книгу. И все же она чувствовала, что совершила серьезную ошибку, позволив ему сохранить в

тайне почти всю жизнь до Тейравена. Она знала, откуда он родом, но понятия не имела, на каком фрегате он провел больше двадцати лет. Она так и не осмелилась спросить, что за бледный, выцветший цветок хранился в его любимой книге — «О природе вещей» Филара. Она навсегда упустила возможность узнать о нем много важного...

От этого, конечно, ее любовь к нему ничуть не ослабела.

[Бамц!]

Внезапно целительницу окружил вихрь мыслеобразов, в центре которого располагался сундук, казавшийся вполне материальным. Из черного дерева, с полустертыми узорами по бокам: берег, башня, птицы над морем, чье-то красивое лицо посреди облаков. Замок на сундуке был устрашающим — огромным, тяжелым. Из замочной скважины высовывался ключ, словно приглашая Эме спрятать еще что-нибудь *бесполезное*. Она застыла с метлой в руках, чувствуя, как течет по жилам кровь — медленно, точно смола. Каждый удар сердца отдавался в ушах болезненным гулом. Выбираясь из